Юрий Казарин

КАМЕНСКИЕ ЭЛЕГИИ

Часть третья

Екатеринбург
2011

Казарин Ю. Каменские элегии. Часть третья. Ангел. птица. Человек : стихотворения / Ю. Казарин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Книга «Каменские элегии. Часть третья. Ангел. Птица. Человек» (Часть первая – 2009 г., Часть вторая – 2010 г.) является заключительной частью трилогии и включает в себя стихи, написанные в последние годы.

Я знаю эту дрожь.
Очей не закрывая –
и ты, земля, умрёшь,
бессмертная, живая.
И сквозь твои персты
пройдут пески и воды,
и небо пустоты,
и небо непогоды,
последняя слеза
без боли и печали,
которую глаза,
как мир, не удержали.

****

Е.

Где-то глаза кочуют,
думаю, в вышине.
Ангелы в нас ночуют,
прямо в хорошем сне.

Спи, говорю, родная,
очи закрой – и спи,
медленно поднимая
солнце в чужой степи.

****

Температура ли
выходит из нуля,
но пригоршню земли
на снег кладёт земля –
оттуда, изнутри,
где мать слепого дня
берет в поводыри
ослепшего меня.

****

Снег переходит в уголь,
его задвигают в угол –
к заборам и в тень от пугал.

Дальше вода. Пробел…

Вечность крылом – задел,
сердцем насквозь простукал…
Смертью переболел.

****

Птицы не прилетели.
Вот уже две недели,
выпушив вербой пруд,
ангелы смены ждут…

****

Бог иногда ночует в яблоке. Червячком.
Этого не увидишь серым сухим зрачком.
Только зелёным, сладким, синим и золотым,
чтобы в живую мякоть взял его горький дым –
и поносил по ветру, в дырах и в облаках,
где, обнимая яблоко, ангелы скажут: «Ах!»
Где ты ещё летаешь мальчиком в полусне,
слыша, как чьё-то сердце дятлом стучит в сосне.

****

Его возносит выдохом земля,
и он летит скворцом над бездорожьем,
но успевает вляпаться в шмеля
и попугать округу боем божьим.
И снова возвращается в скворца,
скрипит и плачет речью околичной,
и слышит, как в скворечниках сердца
уже стучат под скорлупой яичной.

Потом он снова бог. В очах одни
сомнения. Он весь мороз по коже…

И опускает голые ступни
на перезимовавшие галоши.

****

Е.

Имя моё у меня отняла.
Вымыла бабьи свои зеркала:
чисто, просторно и пусто –
воздух натянут до хруста.
Зверем хожу безымянным окрест,

мучаю кровь переменою мест
воя, молчанья и воя,
небо глотаю кривое –
эту веревку: вползет высота
в горло из полного мрака –
и не сказать мне: была у хвоста,
помнишь, живая собака…

****

Стоишь уже без шапки,
по свечке в каждой лапке,
сестра моя, сосна,
янтарная слюна.
И день голубоглазый
живицу пьёт с лица
и бесконечной фразой
расплачивается…

****

Е.

Где очень больно, там светло,
а здесь темно и не бывало.
Я спал и думал: всё прошло,
а оказалось – всё пропало.

Удушье снов, удушье слёз –
до немоты и полной муки
произносить большой мороз
и в нем клубящиеся звуки.

У этой музыки твои
зрачки сиреневые… Боже,
и ледяные соловьи
без оперения и кожи…

****

1.
Високосное лунное темя
ловит редкой волной водоём.
Всё кончается. Всё. Только время
остаётся на месте своём.
Как тяжёлый туман по утрам.
Как листвы перемокшая стая.

Как живая пчела между рам –
очи чёрные и золотая…

2.
Всё, что воздух услышал от птицы,
он расскажет тебе и траве
перед тем, как опять раствориться
в невозможной своей синеве.

Здравствуй, воздух. Я небу послушный,
но тяжелый, чтоб было трудней
отделять от лазури воздушной
шум неведомой речи твоей.

****

В банке кофейной четыре окурка,
дохлой пчелы драгоценная шкурка,
белый, нецарский, дурной пятачок,
словно упавший на решку зрачок.
Смотрит, родной, на меня, как Господь.
Взять бы его, да с пчелою, в щепоть –
бросить в толкучую воду
на золотую погоду…

****

В стену горох, в стену горох,
ливень в последней своей прямизне.
Это не птица защёлкала – бог
заговорил во сне.

Трогаю капли, на пальцах коплю,
складываю в ладонь.
Всё, что люблю, всё, что люблю, –
это вода и огонь.

****

Ах, верёвочка вьётся,
и небесная льётся,
как верёвка, вода,
и поют водостоки,
словно ливень высокий –
навсегда, навсегда.

Эх, верёвочка льётся
и небесная вьётся
ледяная петля…

Только горло колодца
охраняет земля.

****

Е.

Стукнет с небес дубинка
в бочку. И – боже мой –
сохнет твоя рябинка,
брошенная тобой.

Не с высоты полёта
ангела, а с земли
видно: твоя работа,
след от твоей петли.

Ливень оплетью длинной
вытянет месяц май.

Ночь просижу с рябиной:
только не умирай…

****

О, путь слезы – скула, щека и губы,
их уголок целованный. Кому бы
пройти его почти недвижным взглядом
и насухую выплакаться рядом.

Путём слезы – как дождь стеклом оконным;
по зеркалу – вот страшное окно,
когда к нему прижмешься толоконным,
а в нём лицо беды отражено.

Слеза, слеза – горячая, чужая,
покинувшая мёртвый отчий глаз.
До слепоты любя и осушая –
скользи, скользи, скользи последний раз.

****

М. Никулиной

Сад напросился в дом.
Веткой открыл окно.
Что ж, посидим вдвоём,
выпьем своё вино.
Выпьем его до дна,
и – лепесток на дно:
бездна у нас одна.
Сердце у нас одно.

****

Я думал воздухом и птицей,
оглаживая окоём, –
щеглом, малиновкой, синицей
и ласточкой, и воробьём.

Отведай, ангел, поднебесной
звучащей мысли боль и власть,
чтоб между бездною и бездной –
моей и общей – не пропасть.

****

Голос теряет слово
сказанное. Оно
временем стало: словно
слухом вознесено
в небо, во чисто поле –
в звёздах уже на треть,
где хорошо от боли
Богу в лицо смотреть.

****

К вечеру, пустившему слюну,
к вечности, успевшей удлиниться,
звери, насекомые и птицы
полную включили тишину.

Это голос Бога? – Ни гу-гу.
Или спичкой чиркнула цикада?

Хочешь, я прощу и помогу? –
Господи, не уходи из сада.

Помолюсь за Бога моего,
чтоб не плакал – вечный, одинокий…

Голос у него такой высокий,
что не слышно голоса его.

Тесно в сердце сыну и отцу –
пусть они додумают родное,
чтобы постоять лицом к лицу,
упираясь в зеркало двойное.

****

Л. Бабенко

Кровельные прорехи.
Небом налился дом.

Мозг мировой – в орехе
греческом, золотом.

Господу хватит крови,
воздуха, губ и слёз
ядрышко в русском слове
оборонять в мороз.

А в т о э п и т а ф и я

Забудьте всё. Забудьте обо мне.

Когда меня увидите во сне,
скажите: «Чур меня!» – Откройте бездну –
и я исчезну.

О вас, о вас рыдая и скорбя,
я одевал в своё исчезновенье
то целый мир, то осенью растенье,
то всю тебя. Особенно тебя.

Теперь я там, где нет меня. За то
мне лубяное выдали пальто
и тронули уста убитым хлебом,
чтоб стал я небом.

****

Синяя муха – капля чернил.
Бог недопишет – ангел расскажет.
Всё, что я выдумал и сочинил,
сажей ладони измажет.

Мёртвые души – воздуха стыд.
Камень на сердце нагрелся до крика.
Небом прозревшим коршун раскрыт
на воспаренье, как книга.

Первая книга – птица-сестра:
Бог полистает – судьба наколдует
дырочку в сердце. В сердце с утра
прямо из космоса дует.

****

Холодно у ангела во рту:
целовать такую высоту –
сладко в немоту, невыносимо.

Хватит света – он из слёз и дыма –
на затяжку ока. На лету.

Понимаю, ангелу пора:
в форточки влетает детвора,
чтобы до будильника – в постели…

Выкричать бы мир, пока с утра
холодно. Из самого нутра.
Чтобы дети выспаться успели.

Снегири. Синицы. Свиристели.

****

Т. С.

Душу спасёт беда.
Всё теперь – человек.

Выпьет себя вода
и превратится в снег.

Зиму перемолчишь,

чтобы из белых дох
снегом с покатых крыш
в полдень заплакал бог.

****

Ты помедли надо мной,
ангел улетающий.
Каплет ужас ледяной
из души рыдающей…

И поём средь бела дня,
коли сердце порвано, –
то ли ворон – про меня,
то ли я про ворона.

****

Всюду Господа белые брови,
одуванчики и облака.
И разрывы растительной крови
в коронарных сосудах цветка.
И течение общего взгляда
с натяжением неба в реке.
Задыхаюсь. Не надо. Не надо –
сердце держит себя в кулаке,
словно главную розу, от сада
отсеченную кем-то…

****

Е.

Ходит шатун-трава.
Может быть, голова
кружится у земли –
яблони налегли
на вертикаль господню.

День-то какой сегодня?
Вторник. Сосед просох…
Чертополох. Подсолнух.
Ужас в глазах бессонных:
кто из них больше бог?..

Ясно, чертополох.

****

Дерево отодвину
в тень на закате дня.
Глина увидит глину –
маленького меня.
Трону пчелой лобешник.
Птичке построю дом.
Чтобы стоял скворечник
в небе с открытым ртом.

****

Куда, куда ты, боже мой:
в дверях столкнёшься сам с собой
и, отступив назад полшага,
вплываешь, белый, как бумага,
в себя с закушенной губой.

Не смерть, не зеркало, не сон –
ты сам себя со всех сторон
насквозь, насквозь, как воду, видишь
до дна и сладко ненавидишь
слепой души напрасный труд
и недосказанное слово,
и божье зеркало, и снова
больного сердца самосуд…

****

Плачет кулик, плачет кулик,
топчет водицу.
Я забываю русский язык –
слушаю птицу.

Холодно как. Слишком светло.
Баба в футболке
ковшиком в кадке разбила стекло –
в горле осколки.

Плачет кулик, плачет кулик,
топчет водицу.
Я забываю русский язык –
слушаю птицу.

****

Умываюсь рекой, как земля,
как песок золотой в непогоду,
онемевшей ладонью деля
эту воду на небо и воду.

Скоро глиной умоюсь – войду
прямо в плотную влагу покоя…

На дудуке играют беду.
Что такое со мной… Что такое…

****

О. С.

Из камня печь блины –
озёрные овалы,
где запечатлены
небесные провалы
да музыки кусок
с нарезкою на звуки.
Разбег, размах, бросок –
и блин. Четыре штуки.
Дитя печёт ничто
с притопом и прихлопом.

Он точно знает то,
что мы поймём за гробом.

****

Пока мой лещ, слезу глотая, окал
и обращал вселенную в испуг,
мне прямо в лоб летел с востока сокол –
и поворачивал на юг.
И в лодочке, на узкой половице,
скользя по тусклому и влажному лучу, –
всё, что с тобой и с мирозданием случится, –
надумаю, наплачу, намолчу.

****

Куличок, куличок, куличок,
Бог сжимает тебя в кулачок,
а потом заполошная речка

разжимает в живое сердечко,
в перелётное сердце тайги,
заходящееся от волненья.

Всюду бездны мерцают мозги,
оперяются пеклом поленья.
Нагревается белая печь,
накопив несказа́нную речь,
наделяя теплом уловимым
всё, что дому оставлено дымом.

****

Потянет морозами, прозой
и возрастом неба во мне,
берёзовым дымом, берёзой
и шелестом книги в огне,
и воздухом древней дудуки,
и воздухом ниже ноля,
где музыку в горькие звуки
целует живая земля…

****

Земля сама ложится в руку.
И, поборов последний стыд,
перенесёт такую муку,
такое небо наглядит,
такое в засуху услышит –
и скажет пеклу прямо в рот…

Когда качается и дышит,
когда болит и воду пьет.

****

Е.

Откуда такие ребятки –
прошлёпали, как по воде.
У глины холодные пятки,
у глины ладошки везде.
Ты знаешь, кончается лето,
и температуры к нолю.
И в сумраке яркого света
я ангелов утром люблю…

Какие красивые спины
у глины, где мы залегли.
Какие большие дельфины
выныривают из земли…

****

Какие ангелы с утра…
Откуда? – Сны твои красивы:
в шмелиных шкурах детвора
и раскаленные крапивы.
Там смерть кончается. За ней
воздушные клубятся воды.
И сердце чувствует сильней
божественную боль свободы.
Смерть обращается в любовь
и продлевает свет по кругу,
где вербы бровь и Божья бровь
навстречу движутся друг другу.

****

К изголовью, к изголовью
дайте, дайте черный свет.
Между смертью и любовью
никакой погоды нет.
И окно со снегопадом
не маячит над душой.
Только ангел долгим взглядом
смотрит в землю как большой.
К изголовью, к изголовью
дайте, дайте белый снег.
Между смертью и любовью
плачет ночью человек.
Ночью. К озеру. Довольно…
Прорубь с чёрным серебром…

И воде совсем небольно,
если рвать её ведром.

****

Птичка серая скажет мне:
остаёшься в своей стране –
белой, каменной, ледяной…

Полетели на юг со мной.

Отвечаю сквозь первый снег:
я не ангел – я человек,
я – земля, я из глины весь…

Я давно похоронен здесь.

****

Язык дождя, язык свободы,
шумящие в растеньях воды.
Даёт ли кровля в небе течь –
звенит в тазах иная речь.

На крыше хор вступает с дрожью
в рыдающую волю Божью:
в солому влаги, в глубину –
во всё, что к нам идёт ко дну.

На дно земли ложится днище:
Язык мой – дождь мой. Пепелище
семинедельного дождя –
заборы сгнили до гвоздя,
до чёрной красной ржавой точки.

И капли бьют поодиночке
себя на крышах: вот вам речь –
чтобы упасть – и в землю лечь.

***

Не сны, не взгляды, а следы
от глаз, оправленных в простуду:
воображение воды –
туман, клубящийся повсюду.

Его мышление, его

неуловимый облик бабий,
серебряное вещество
из слёз, из холода и хлябей.

А что в окне? – туман в окне
и ангелов последних стая.
И пропасть осени во мне –
бездонная и золотая.

****

Рябина, помоги
не закричать от боли.
Ни зги, ни зги, ни зги
в необозримом поле.
Тьма – это тоже свет,
в котором света нет,
там вещество иное,
родное, ледяное.
Тьма – это свет души
болящей безъязыко…

Дыши, дыши, дыши –
до голоса, до крика.

****

Не в голове, но головой
восходит в небо волчий вой
темнее дня, светлее ночи,
как луч зелено-голубой,
короче взгляда и короче
ответного, когда с тобой
в пустом заснеженном посёлке
свою луну глотают волки
на главной улочке кривой…

****

Вечность бывает светом.
Вечность бывает тьмой.
Ангел рыбачит летом,
Бог – зимой,
коловоротом лунку

высверлит – и тепло:
чтоб в ледяную рюмку
больше луны втекло,
чтобы худой подлещик,
воздух скатав в горох,
знал, что луною плещет
в лунке – Бог…

****

Е.

Трясогузка. Серебряный хвост.
Скоро воздух ознобом и дрожью
тронет речку – ничейную – Божью
как большое дыхание звёзд.

Так сквозит на реснице слеза
чистым временем, осенью русской,
так мы смотрим на всё с трясогузкой…

У неё голубые глаза.

****

У первых заморозков руки
в перчатках белых, как в кино,
где мой Печорин ждет разлуки
с самим собою. Все равно
ему не жить без этой муки,
ему погибнуть суждено.

Он отвернулся – Ветер в спину, –
Чтоб избежать напрасных слёз,
и долго трогает рябину –
в перчатках белых – как мороз.

****

Время такого-то года.
Вечность морозного дня.
Холодно. Звёздно. Свобода.
Место как раз для меня.
Трогаешь красную печку,
тёплую копишь в горсти.
Время замёрзло – и речку

Можно по льду перейти.
В небо. Оно хоровое…
Слышно ли в вашем раю,
как я по волчьему вою
встречное эхо пою…

****

Слышу *о*блака шорох
на вершине холма.
Ночью дыры в заборах
побелила зима.
Время выгнуло спину
над водой без воды,
где водили осину:
видишь – в поле следы.

В этот холод и в муку,
в эту соль, в эту дрожь
ты целуешь разлуку,
а в щепоть не берешь,
отпускаешь на волю…

Облетая холмы, –
видишь полные боли
злые очи зимы.

****

В. Дулепову

Холода в сентябре светоносны:
где сквозь золото иглы прошли,
там возносятся сосны как сосны –
высоченные мысли земли.
Остальное – подлесок, предбанник
и шиповника высохший йод.
Это осень. Пустой подстаканник.
Только бездна его перельёт.
Да увидит высокое око
и стальная вода колеи,
как стоят на холмах одиноко
високосные сосны твои.

***

Выйдешь с утра – однако…
В бочку впечатан лёд.
Заморозок, собака,
в щеки тебя лизнет.

Крепко себя обнимешь
и над землёй поднимешь,
и, заплывая в дрожь,
бездну к груди прижмёшь.

****

Проливаю глаза, выливаю
всё, что снилось, с вершины холма.
Видишь, осень с восточного краю,
а с другого – сплошная зима.

Меньше круглого, нежного. Линий
стало больше – углов. Свысока
всюду бездна отбросила иней –
это память её и тоска.

Охраняется белое тенью
и целует глаза в полутьме
опустевшей… И снится растенью,
как мужчина стоит на холме.

****

Не просвет, не пробел, не прореха –
вышло небо из белой петли
самолётной, как полное эхо
зарыдавшей от счастья земли.

Этот звук, этот свист, эта спица –
по железу вдоль сердца. Куда?..
И скользит в водостоке синица,
как живая, с глазами, вода.

Это шорохи взоров и линий
лобачевских в осеннем лесу,
словно эхо, отбросили иней,

чтобы высветить Божью слезу.

***

Свиристель. Серебряная птица
с каплей крови, с пёрышком слюды.
Щурится на звёзды и ложится
первый иней в зёрнышках воды.

Время замедляется и взглядом
ночью остановлено… Пошло,
ясно вознося над снегопадом
золотое чистое село.

Слишком много в осени разлуки.
Стеклянеют легкие леса.
И тепло заламывает руки,
упираясь дымом в небеса.

****

Е.

Что выше осени? – Над нею
воды в скорлупках голыши.
Душа на холоде виднее –
дыши, любимая, дыши.
Дыши – земля, рябина, печка,
синица, женщина, свеча
и с неба брошенная речка,
как простынь белая с плеча.
Не саван. Нет. С плеча иного –
не бездны с прорвой, а того,
кто снегом продлевает слово
не в пустоту, а в Рождество.

***

Просторно. Холодно. Светло.
Над миром лопнуло стекло –
отверзлась осень. Отовсюду
иное небо притекло –
пылают воды и весло,
и синий дым подобен чуду.
С утра сошлись на полчаса
сухие легкие леса,

сквозные после листопада,
и увядания надсада,
и смертью пьяная оса,
и первый иней – с языком
последней оттепели – голый…

И ангелы идут из школы,
почти летя, почти пешком,
разув глаза и босиком,
зубря небесные глаголы.

****

1.
Клёны всё легче, легче –
холодно, листопад:
тенью своей далече
мимо всего летят.

Инеем лёг на плечи
с неба упавший взгляд.

Долго вбирает в душу
ока глубокий вдох –
всё, что питает стужу
и выдыхает Бог.

2.
Выйдешь в одёжке летней –
господибожетымой:
время куда заметней,
много его зимой.

Кто-то метель и поле
носит в живой руце,
ледяные мозоли
натоптав на крыльце…

****

Е. Д.

Вот и счастье от боли до боли.
Может, ангелы. Может быть, снег.
Сам с собой обнимается в поле
замерзающий человек.

Расшибается взор с верхотуры –
это звёзды стеснились в стекло.
Нулевые температуры –
чтобы чувствовать всюду тепло.
Чтобы белые дохлые пчёлы,
или души расплющенных пчёл,
выпрямляли прямые глаголы
в невозвратный последний глагол.

****

С.

Блаженны плачущие, то есть
они утешатся, и повесть
о них забудут там и тут:
её на дождь переведут,
потом на снег и на сугробы,
потом на небо в звездах, чтобы,
лик запрокинув, сквозь мороз
ловить кристаллы Божьих слёз.

****

Светает понемногу,
но в небесах иных
темно и больно Богу
до слёз – до слёз моих.

Чем дальше, тем печальней,
и воздух-однолюб
твердеет с наковальней
твоих озябших губ.

Всё медленнее звуки,
всё дальше лунный плуг,
и дрогнувшие руки
не замыкают круг.

Давно обмёрзло лето,
но жизнь тому вперед
как бы с другого света
твоя трава растёт…

***

Качнётся ветка – никого.
Наверно, призрак белой птицы
иль белый ангел хоронится,
чтобы не видели его.
Нет ни дождя, ни слёз, ни ветра,
и не шатаются холмы.
Два с половиной километра
по вертикали – до зимы.

Худой реки грудная клетка
растянута, как на кресте.

Ах, эта ветка, ветка, ветка
в густой осенней пустоте.

****

Видели ангела?.. Где его
носит крещенский озноб…
Ходит за окнами дерево,
не нарушая сугроб.

Нежное, грешное, смежное –
всё не от мира сего –
распространяется снежное
мыслящее вещество.

Ангела видели. Спелое
звёздное небо свело –
хрустом и трепетом – в белое
с капелькой крови крыло.

****

Сосновый ствол гудит
в небесной медной яме,
как Бог, битком набит
янтарными шмелями.

Набухли ветви вен –
Я болен осязаньем:
уже идет обмен

иных миров сознаньем.

Звезда и человек
вода, песок и птица,
и зверь, и свет, и снег
земля, погост, больница,

равнина, горный щит;
и новой бездны пламя
гудит, гудит, гудит
как в оркестровой яме.

Она везде. Она
летит в лицо, как сокол, –
в беззвучный плач окна,
где слёзы глубже стёкол.

****

Е.

Царапнет с неба гвоздь,
как по душе, по жести.
Мерцает волчья ость
в густой собачьей шерсти.

Рукою проведёшь,
как Бог – по небосводу,
выискивая дрожь
звезды, её свободу
светить во все края,
пространство продлевая…

Собака ты моя.
Хорошая. Живая.

****

С рябиной поздороваться. Умыться
из бочки. Перед этим удивиться
слепому отраженью своему:
лицо му-му,
щенка стареющего. А когда-то
оно бывало слишком бородато.
А ныне нависает сивый пёс
над бочкой слёз.

Лицо тоски, черствеющего хлеба –
на фоне круглого из бочки неба –
возносится, вжимается в мороз
уже без слёз.
Уже без слёз.
Уже без слёз.

****

Так пасмурно, что нету небосклона
и некуда мечтать.
Вот лобачевская ворона:
пропала, появилась и опять
исчезла, и внезапно показалась –
и с глаз долой средь бела дня,
как будто вся во времени осталась…

Как мало времени осталось у меня.

****

Пахнет дымом. Пахнет хлебом.
Съеден хлеб. Растаял дым.
Птичка дышит только небом,
только небом голубым.

Пахнет Богом. Пахнет печью.
Видно пламя сквозь ладонь.
Это птица дивной речью
будит в дереве огонь.

Голым оком – к возгоранью:
песни всей на полчаса…
Между звуком и гортанью
голубые небеса.

****

Стужа во всю длину
вытянула струну
из ноября в страну –
в сердце и в тишину, –
и вознесла ко дну
бездны… Её одну –

знаю. Свою вину.

Молча башкой кивну.
Оком в окне мигну,
голым крылом махну,
но не порву струну.

Но не порву струну.

****

Не снег, а гнев оледенелый,
не снег, не дождик, а должник
земли, скользящей в сумрак белый,
как на морозе круглый крик.

Лыжня без лыжника: она
темнее сна, прямее боли
ползёт, вычёркивая поле
из деревенского окна…

****

Вот зима. Подавленье зевоты.
Стала музыка всюду видна:
Эти стулья, пюпитры и ноты
разбросала в саду тишина.
Оркестранты в отлёте покуда.
Только снег в чёрно-белом аду.
Только утка, последнее чудо,
в замерзающем гибнет пруду.
Музыканты на юг улетели.
И заплакал над прорубью Бог –
то ли призрак вчерашней метели,
то ли музыки будущей вздох.

****

С.

Какая мгла, какая нега,
какие очи в белой мгле.
Едва мерцая, в виде снега
зимует небо на земле.

На нём следы – следы в окошке

и россыпью, и косяком:
собаки, ангелы и кошки
по снегу ходят босиком

В божественности снегопада
большим теплом запомнит печь
язык дыханья, слуха, взгляда,
а не измученную речь.

****

Но снега первого зверёк,
пушистый, на плечо прилёг,
свернувшись медленно в калачик,
а мимо шёл какой-то мальчик –
и вдруг взлетел, и наутёк –
легко и вверх, скосив зрачок
на то, как мы сошли в подвальчик –
я и тоски моей зверёк.

****

Е.

И вспомнил я: ты здесь была
белым-бела, белым-бела –
и душу мне, как рукавицу,
и опалила, и сожгла,
и, пеплом выпушив десницу
и оперив её, как птицу, –
крыло над смертью подняла…

****

У имени нет имени. Оно
от повторений освобождено:
от воздуха, от уст, от языка,
от нёба, от зубовного смычка,
от судороги сердца и гортани,
от тишины, что выдохнул Творец,
когда скользит слеза алмазной грани
и вспыхивает солнцем наконец.

****

Большое слово вымотало душу –

большое слово больше божьих губ,
и сединою вывернут наружу
семи небес мерцающий тулуп.

Семь шкур с него приспущено, как будто
его не выдох вытянул, а вдох:
и всё в него раздето и разуто –
большое слово больше слова Бог.

И ты молчишь его – и слышишь душу
и музой ужаса прихвачена гортань.

И белый ветер вывернул наружу
заснеженную небом глухомань.

****

Заполночь, в полвторого,
встану – шагну, запнусь,
выйду на воздух – снова
небом обзаведусь.
Вспомню: запнулся правой
лучше бы левой…Тьму
высмотрю над державой,
оком звезду возьму –
веками, обмирая,
словно берёт в щепоть
душу, пока живая,
душу мою – Господь.

****

Подбита выдохом строка –
теплом – в морозные погоды.
О, эти радости природы –
божественные переводы
с божественного языка,
не уяснённого пока,
как чернозём, огонь и воды,
и облака. И облака.

Толчок воздушный – и строка,
сначала просто высока,
распространяется в борозды,

как Млечный путь, покуда звёзды
торчат, как шило из мешка, –
на деревенские погосты…

И в шапке жарится башка.

****

Е.

Имя нашло предмет,
ты о него запнёшься:
он появился – нет,
от сотворён; вернёшься
из темноты во тьму
с лунным, в пятак, изъяном…
Имя болит – ему
мыкаться безымянным.
Имени твоего
воздух горяч и едок –
просто себя всего
выдохну напоследок.

****

Нежнее инея в зверином ухе,
сосков малиновых на сучьем брюхе –
не имя, а снежинки костный хруст
от дуновенья Бога; Божьих уст
взыскуют твёрдые уста сибирской стужи,
звезды полярной зрак становится всё уже,
всё глубже вдох, всё ближе к Богу Бог,
и в хрусталях – мертвец чертополох;
али репейник сам себя сосёт –
сосульку сладкую – и не произнесёт
никак своё большое имя смерти,
не чуя сквозь сугроб чугунной тверди.

****

Маленький человек,
мальчик – щека в песке:
глина у нас, как снег,
тает сама в руке.

Если тебе не лень –
вылепи воробья…

Ангел отбросил тень –
Господи, это я.

****

Вот сад, и нет на нём лица –
он весь как первый сон Творца:
оледенелый вой волынок
и рост сосулек без конца;
вращаются сердца снежинок,
мерцают мёрзлые сердца
чертополоха-мертвеца;

свет сотворён легко, как слёзы,
и наглядеться не могу
на слепки лепестков, на розы
следов собачьих на снегу.

****

А. Криулину

Как сердце сквозняка,
как голос ветра в хоре –
прозрачная доска
одна во всём заборе.

Её, конечно, нет,
но кто сюда из сада
в неё вдувает свет
неведомого взгляда.

Какая боль сквозит
усильем слёз и снега,
летит и состоит,
как Бог, из человека…

****

Е.

Сойка прекрасная смотрит в окно,
сойка лобастая смотрит кино:
я улыбаюсь от боли
в эпизодической роли.

Чищу картошку. Зачем-то в окно
гляну – и Бог мне покажет кино,
сойку прекрасную, что ли, –
и улыбаюсь от боли.

****

У зеркала с прозрачными зрачками –
пестрит стена, и снег из-под саней –
поцеловаться, чокаясь очками,
как Грибоедов с вечностью своей.

Ох, зеркало, стекло без амальгамы,
стекло с чересполосицей лица,
и мёртвых душ мерцающие ямы,
и вечный век, взыскующий конца.

У зеркала, следящего стеною
за прошлым, отразившимся в очках
и всё ещё стоящим за спиною
с тобой, стеной и зеркалом в зрачках.

****

Р. Левинзон

Ночью в небе побываешь:
с Орионом за спиной
в Божьи длани выдуваешь
призрак вазы ледяной.

Пусть вращается и длится,
начиная высоту.
Вот и ты дрожишь, как птица,
сердце чувствуя во рту…

****

Е.

Опускаются с неба на плечи
твои руки – всё реже и легче,
в белых варежках. Это не снег.
Среди птиц я один – человек.
Это снег: высоко и далече
часть тебя – мои белые речи,
это в Каменке топятся печи
и под снегом стоит человек…

И под снегом стоит человек.

****

Отчаянье придумало меня
и, сотворив, до мозга ознобило –
тропой, прямее Божьего огня,
куда глаза глядят гулять водило.

И полем, отпускаемый в распыл,
я полю говорил перед побегом:
я птицей был, я птицей был, я был
собой, а умер человеком.

****

Над землёй – по воздуху, по снегу
проплывают девочка и кот,
раскачав хрустальную телегу
Орионом стянутых высот.

У земли моей мороз по коже
шаг ступлю – и закричит каблук.
И молчу, молчу, молчу до дрожи,
тишину вымучивая в звук.

До земли ещё полметра, то есть
далеко, и всё белым-бело.
Вот и мне, прохожему, по пояс
в чистом поле неба намело.

****

С.

Буду водой стоять
к дамбе лицом – и течь
в шлюзы за пядью пядь,
так распыляясь в речь,
так испаряясь весь,
чтоб Иисус босой,
если вернётся, здесь
ноги омыл росой.

****

Е.

Говоришь на тёмном и венозном
языке в казённом терему.
Тесно слову в воздухе морозном,
тесно в слове духу твоему.
Покачнёшь в очах своих сухую
полынью сирени на окне…
Обниму и в темя поцелую –
сквозь меня молчащую во мне.

****

С тюрьмой за пазухой, с сумой
шагаю к дереву, хромой:
по вертикали, по прямой
оно, как дух, растёт валетом –
и вглубь, и в небо, Боже мой,
молчит и думает зимой,
а говорит и плачет летом.
Пока стоит на свете этом
и, переполненное светом,
поёт от боли под пилой.

****

Е.

Благословенные, мы жили
и умирали от любви.
У прошлого глаза чужие,
у настоящего – твои…
И ночью ночь тебя разбудит –
твоя счастливая беда.
И вспоминаешь то, что будет.

Чего не будет никогда.

****

Снег состоит из рябины –
ягодок трёх.
Как человек из любви и глины.
Как из отчаянья – Бог…

Хоп, подлетает сойка

с криком, как лёд в ведре.
Вот повернётся и спросит, сколько
градусов на дворе…

****

Вспарываю золотое руно –
в лунном сугробе седые борозды.
Думаю небо, покуда оно
думает время и падают звёзды.
И в столкновенье снежинки со мной
слышится небо незримое, словно
между молчанием и тишиной –
Бог. Остальное безмолвно.

****

Поёт ли хором снег,
когда вдвоём – по полю.
Взгляд в сторону – побег
сквозь небосвод на волю.

Всегда и никогда –
горчит родное чудо:
короткий взгляд туда
и вечный взгляд оттуда.

****

Из первых глаз, из первых рук,
из первых уст, из первой бездны –
и взгляд звезды, и снег, и звук,
и сны – ужасны и чудесны.
Как будто я остался здесь,
где всё как Бог мерцает взглядом,
и на земле бываю – весь –
Его ответным снегопадом.

****

Но, тишины набравши в рот,
моё молчание идёт
со мною рядом бедной тенью
то по стене, то по растенью

без горьких ягод, и со мной
молчит, и воздух ледяной
молчит и блещет как зерцало
шарообразное – до слёз,
дабы, дыша звездой в мороз,
моё молчание мерцало…

****

Недокашлять, недосодрогаться,
но с сорокой успеть доругаться,
дабы впредь не дразнилась она –
хороша, горяча, холодна.

О сорока моя, ты одна
отделяешь еду от свободы –
так бела, так черна, зелена,
как растущие в землю народы.

Только глубже твоя высота,
только выше душа и удушье…

Закрывается циркуль хвоста,
начертав на снегу полукружье.

****

Ах, детству в детстве детства жалко,
и ловит в воздухе зрачок
собачка – божья зажигалка,
неугасимый язычок.
Где птицы, ангелы и кошки,
бык с неэвклидовой башкой,
да иноземный жук в картошке
шарообразный, никакой.
Шпион железный, он сгорает
в бензине, пыхнувшем, как стыд.
Поймёшь, когда он умирает,
что он по-русски говорит –

и в пекле крылья раскрывает,
и прямо в русский рай летит.

****

Где в папахах столбы – снегопад,
и в безруких тулупах постройки,
где о боге своём говорят
сквозь него пролетевшие сойки.

Что-то пёстрой коровы пейзаж
на боку поседел, опостылев.
Что за парень такой? Вроде, наш –
но без крыльев.

Белый обморок голубизны,
синевы и остывшего взгляда –
прямо в бездну текущие сны
сквозь широкую смерть снегопада.

****

Сосулек лёгкое запомнилось битьё
хрустальным вазам и тяжеловозам,
где воду выкрутили, как бельё,
морозом.

Под крышей пазуха, задохлая стреха,
и снегопада плеть черноволоса,
пуста, рассыпчата, суха,
как прядь татарская великоросса.

И снежных туч не олово, а рвы,
дымов печных неплотные полотна,
и стужей выбритые окна
до синевы.

И птица ранняя взошла наискосок
и вскрыла небосвод – серебряный, старинный,
чтоб вечность шла сюда, как порошковый сок –
хлопча́тый, хло́пчатый и быстрорастворимый.

Пусть бездна спит – есть радость у неё:
сосна, изнеженная снегопадом,
сосулек лёгкое и светлое литьё
теплом и взглядом…

****

Е.

Ты в воду посмотришь – потом из воды:
твой взгляд голубые оставит следы
на небе, водой отражённом,
на небе, травой окружённом.

Ты в воду смотрела, как смотрят в неё,
взыскуя грядущего. Это питьё
осталось на пальцах от Бога –
немного, ты знаешь, немного.

Ты трогала каплю – не узел, а связь –
куда она делась, откуда взялась –
и дула на воду, сквозь слёзы смеясь,
и дула, как после ожога.

****

Е.

Вот то-то и оно,
верней всего окно
и памятью, и взглядом:
всё, что прошло, оно
как на иконе – рядом.
Не вечность, а простор,
не волк, а недопёсок.
Рябина и забор,
и время между досок.
Божественный прищур,
больших снегов постройка…
Я думал, это щур,
снегирь, а это сойка.

****

Легко растут мальчишки из сугроба,
из облака – в чём стужа родила,
чтоб сквозь ушко игольное озноба
деревня вся, с заборами, прошла –
туда, где звёзд бездонные провалы
и словно всё в берёзовом дыму.
Где умирать в деревне одному…

Как я люблю сухой воды кристаллы

и по ночам блистающую тьму,
и снежных крыш ночные самосвалы.
Мне хорошо, не знаю почему,
вдыхать стеклом молочные овалы
и выдыхать на ветки бахрому.

****

Е.

И – лбом в оконное стекло.
И ухнет снежный чуб с откоса.
Моё отчаянье светло.
Моё прозренье безголосо.
Мне больно – дай ещё беды,
лиши и солнца, и ночлега.

О звуки гласные воды
и ледяные – льда и снега…

****

Живой и мёртвый, с вечностью во рту,
где прямо с неба оды пьёт Гораций,
где зренье продувает пустоту
до обморока, до галлюцинаций, –
живой и мёртвый, здесь я говорю
о том, что я ещё с тобой побуду, –
так говорю земле и снегирю,
а значит – ангелу и чуду.

****

Всё лес да лес, и озеро – лесное.
Ложится лес на донышко глазное
очей небесных с голубым огнём –
на глину, отразившуюся в нём.

Любовь к стеклу и зеркалу – свобода,
Михайле Ломоносову угода.
И, звёздами изрезано, стекло
из головы в озёра притекло…

И всюду взор звериного народа,
от коего и зябко, и светло.

****

Высокий дым. Душа растений.
И печь. И вечность за спиной.
Не темнота, а свет осенний
вечерний, утренний, ночной.
И поле, полное сиротства
в стеклянных ямах высоты.
Первоначальное уродство
грядущей страшной красоты.

****

Воздух припомнит дрожь –
всё, что в него кричали.
Только его вдохнёшь –
судорогой печали
сердце в кулак сведёт,
душу развеет в поле.
И разрывает рот
тьма тишины и боли.

****

Всем ласточкам родня
и трясогузкам брат –
в беспамятство огня
войдёт – и выйдет взгляд.

Так зверь в себя глядит
и видит боль во тьме.
Так бездна внешний вид
свой отдаёт зиме.

А сердце у неё –
с рябиною снегирь,
пока болит – моё
за белую Сибирь.

****

М. Гордеевой

Синичка села на плечо,
и мне от страха горячо –
вот улетит сейчас обратно

к себе: ищи её, свищи.

И плещут ангелов плащи
в лазурь серебряные пятна.

****

Е. Шароновой

Под крышкой пусто. Нет, под нею
подвал и пыль похмельных дней.
Пустой кувшин поёт сильнее,
и заунывней, и страшней.

Пока вино бредёт оттуда,
где дремлет жизнь, издалека,
и проливается как чудо
из красной пасти черпака.

И чем полней, тем глубже, глуше
звучит кувшин в конце концов,
как неприкаянные души
одетых в глину мертвецов.

****

С.

Зимы короткий век –
светло, тепло и зябко.
И шмякается снег
с ветвей, как на пол тряпка.

Как пить сугробу дать –
погода золотая.
Упало капель пять
с навеса. И шестая.

И тот, кому не лень
считать, он знает что-то,
что удлиняет тень
до бездны поворота

дороги…

****

Откуда человек,
чего ему не спится:
ведро золы на снег –
появится землица.

Осядет светлый прах
дерев и снежный порох
на пальцах, на губах
и на чужих заборах.

Вернётся в дом, до слёз
сжимая дров охапку…
И снова – на мороз,
где молча плачет в шапку.

****

Светлее света, старше тьмы
сны пустоты в неясной силе:
не тополей пуховые холмы –
Творца ещё не сотворили.

Ещё душа безвидна и вольна.
И звёзды, пахнут льдом и печью,
как молодая тишина,
рождённая грядущей речью.

Зимы и лета общий слух,
ночей зеркальные овалы
и тополиных белых мух
то сновиденья, то обвалы.

Сначала пригоршнями пух,
потом из воздуха – щепотью…
Сгущается тревожный дух
и из себя исходит плотью.

****

В оледенелом кусте мирозданья
зябнет, молчит и мерцает страданье,
болью твоей проходящее сквозь

всё, что пока ещё не родилось,
что пустотой умирает в полёте:
нет ещё в мире ни боли, ни плоти,
богу не больно – алмазную соль
сыплет на ветку и думает: боль, –
думает, больно кусту мирозданья;
стужа стоит до потери сознанья,
или сознанье больное, оно
звёздами хлещет в ночное окно…

****

Отпетый заживо, стою –
ну, чистый ангел – на краю,
но за чертой, с другого краю.
Когда от жизни умираю.

По вечерам впадать во тьму,
петь про му-му и про суму,
и про тюрьму – беда такая
серебряная, никакая.

Сижу в деревне у огня
один. Так выдумай меня,
как первый шрам от ножевого.
Не отпевай меня, живого.

****

О, сколько памяти в пропаже,
какой в утрате ясный свет.
Взгляд из окна стоит всё там же –
а дом сгорел, и окон нет.
И боль большая безглагольна,
и кровь натянута, как плеть.
И утром снег такой, что больно
с небес
ему
в глаза
смотреть.

****

Надумай ангела во мне
и небо звёздное в окне,
и «Мёртвых душ» второй – в огне –
не том, а дом, и в белизне –
скольженье стужи по струне
одной единственной, и не
порви её… Порви во мне.

****

Какая сладкая надсада
вести ледышкой по стеклу,
вдевая в дождик нитку взгляда –
в его последнюю иглу.

Воды нетоптанная тропка –
с ладошку – к глине прилегла.
О, мельтешенье, трёпка, штопка –
нить золотистая щегла…

Дай наглядеться и напиться,
чтоб не пропасть в грядущей мгле, –
щегол, щегол – душа и птица –
и ангел маленький в щегле.

****

Есть нитка золотая, есть игла
у молодого старого щегла,
чтобы заштопать старые кусты
для молодой высокой высоты,
чтобы светла, красна или темна –
вся наливалась в ягоды она
до капли.

****

Е.

Хорошо ты сидишь у окна,
значит – кто-то с другой стороны.
Ах, какая ворона видна.
Ух, какие стаканы видны.
У него на лице стрекоза –

у тебя на реснице слеза…
Ах, какие навстречу глаза.
Ах, какие навстречу глаза.

****

Это память стекла
с ветром, листвой и свистом.
Сверху вода текла –
стало стекло волнистым.

Осенью всякий лёд
утренний твёрже тверди:
он через час умрёт –
жизнь подражает смерти.

Это лицо огня
с голубыми глазами.
Дым достаёт меня,
где б ни стоял, слезами.

Ходит за мною, гад, –
а за щекой монета…
Словно грядущий взгляд –
мой, но с другого света.

****

Е.

Стать золотым и нелюбимым
и умереть – и всё забыть.
Работать воздухом и дымом,
и белой глиной. Глиной быть.
И пальцев ждать – с небесной тенью –
для лепки, ласки и труда
Того, кто выгладит смятенье
из благодати и стыда.

****

Е.

Солнце с кровью сквозь ладонь –
тёмной розой, алой речью:
изливается огонь
в небо сам себе навстречу –
взглядом, меркнущим над ним,

жаром, тянущим к объятью,
и отчаяньем моим,
сотворённым благодатью.

****

Здесь и умру. Где я лицо
своё забуду. И зерцало
опустит небо в озерцо,
чтоб до зимы не замерзало.

Где поле с ветром и душой,
три мужика поодиночке.
Где тополь над селом большой –
большой, как буква после точки.

****

Зрачок смородины зимой –
так долго смотрит ангел мой
голубовато-серой масти
с куста из полной пустоты,
а значит – прямо с высоты –
на доморощенные страсти.

Где долго-долго дом растёт –
как дерево: его полёт
медлительный, по вертикали
раздвинул – в стороны – сугроб:
окно, стекло, горячий лоб,
глаза… Кого они искали?..

Ты плакал ночью: потому –
курил и трогал эту тьму
взатяжку. Славные поминки.
Мерцал смородины зрачок.
В окне качался паучок
последней, может быть, снежинки.

****

М. Никулиной

И оттепель, и дрожь,
и тёмный пах оврага.
Снежок в щепоть возьмёшь –

он весь земля и влага.

И плачет, и молчит,
сжимается в крупицы:
не прах, не грязь, не стыд,
а семена землицы.

Мерцающий песок,
седой наполовину…
Вотри его в висок –
в свою живую глину.

****

Мой сад, отведавший разлуки,
стоит, заснеженный на треть,
и цепенеет в тайной муке –
проснуться или умереть.

Под снежной тяжестью весенней,
дыша в мышиные ходы,
молчат согласные растений
и звуки гласные воды.

Как будто сад забрёл в пределы
иного света, бытия,
где я своё оставил тело,
чтобы душой остался я.

****

Стелить потоп. Любить тепло и волю.
Смотреть весну – и видеть свежий снег.
Я думал снег. А это в чистом поле
светился ночью пеший человек.

Вернуть свой прах немедлящему чуду
земли, в которой здравствует вода.
Я буду тем, чем никогда не буду.
Я буду весь везде и никогда…

****

Сначала музыка на нас
посмотрит детскими очами,
чтоб, не смыкая сонных глаз,
мы молча мучались ночами.

Потом во сне покажет нам
бессмертных нас в такой печали,
чтоб с вечной смертью пополам
мы полной вечностью звучали.

****

Е.

Оденусь в сад. Оденусь в небо.
Оденусь в ночь, в глухую тьму.
Понюхаю буханку хлеба –
и воздух с воздуха сниму,
чтоб от себя бежали звуки
и огнь нашаривала ртуть.
И ты заламывала руки,
чтоб чистой музыкой всплеснуть.

****

В чарке древнего стекла
с круглым ликом иноверца
луковица проросла –
вот и лопнула, как сердце.

Выпей луковой воды
с жёлтым привкусом Китая,
отлетая от беды,
от беды не улетая…

****

В сугробе что-то скажет «ох».
Земля покажется. Откуда?..
Весною стал заметней Бог:
он снег и грязь, он свет и вздох,
он весь отчаянье и чудо,
он нагота, бесстыдство, стыд,
и ничего ещё не значит,

что он над яблонькой стоит,
над замороженной – и плачет.

****

Нет, не луна, а круглый крик,
древесный срез непоправимый.
Учу молчанье, как язык
чужой, божественный, родимый.

И дальнозоркая печаль
преувеличивает время
и отразившуюся даль
ночной листвой кладёт на темя.

Голимую глотая соль,
с утра скворец, нездешний с виду,
горчит, как древняя глаголь,
уйдя в глагольную обиду.

****

Не свет, а зрению подмога –
вон мухи белые летят.
Не свет – а взгляд огня и Бога.
Не свет, а взгляд.

Всему на свете одиноко –
вон, с ледяной тоской огня
и не мигая, с водостока, –
две капли смотрят на меня.

****

Не холод мой – а голод хлеба,
не пламя зимнее воды –
ведро весны, кувшины неба
и злая рюмочка звезды.

Вот список ужаса. Хорошей
разлуки перечень, обман
и сумрак, зрением поросший,
и чисто выбритый стакан.

Стакан пустой, стакан гранёный,
стакан прекрасный и пустой,
наполненный и сотворённый
моей последней высотой.

****

Вода сама себе щепоть –
когда над бездной держит плоть,
себя, как время, продлевая.
Живая. Мёртвая. Живая.

Вода сама себе гончар,
текучий колокол сосуда.
И волк, и ужас, и овчар,
и волн барашковое чудо.

Вода сама к себе спиной
стоит, летит, скользит по краю.
Ах, как я лодку раскачаю
над высоченной глубиной…

****

Всё промолчал, проплакал, просмотрел:
туман, шоссе и встречный свет напрасный,
и березняк – внезапный, как расстрел,
широкий и единогласный.

Стать воздухом – и взяться моросить
сквозь лобовое, сквозь щетину мрака.
«У вас не курят?» – ангела спросить…
А сигареты кончились, однако.

****

С.

Я зеркало хочу перевернуть
водой к земле – всей чашей небосклона,
чтоб вечерело кварцевое лоно
и темноту нашаривала ртуть.
Чтоб кверху дном: под чёрной краской дно
и глубины, и бездны – вот оно,
вот край вселенной, света, мирозданья,
где зрячее цепляется страданье,

чтоб процарапать чёрное насквозь,
чтоб в землю, как беззвучное рыданье,
светящееся чудо пролилось.
И зеркало махнёт, когда его
перевернёшь, сгущающимся миром,
и отразит иное вещество,
которое легко зовут эфиром…

****

Ребёнком – и повсюду, и нигде –
недалеко от самого начала
я спрашивал: а умер – это где? –
и тишина мне молча отвечала.

Она меня в такое завела:
там нет черты и местность неродная –
иду в чём смерть однажды родила,
меня в исчезновенье окуная.

И если я твой звук, твои уста
и слух – мои, а музыка – чужая.
Роди меня, иная пустота,
роди, меня во мне уничтожая…

****

Е.

Всюду глины, почти голубой,
молодые и гладкие плечи.
Научусь расставаться с тобой
до ещё не случившейся встречи.
Научусь умирать. И, когда
тень последняя ляжет на темя,
я скажу: никогда, навсегда –
это тоже какое-то время…

****

Понемногу светает. Туман
холодит вещество человека.
Словно Бог наливает в стакан
осторожное звёздное млеко.

Одеяло не помнит плеча,

чтобы плоть твоя светом лепилась
и, в ознобе своём – горяча,
окоёму навстречу светилась.

Обними себя – ты уже есть:
стало зябко и пальцы не гнутся.
Это боль, это чудо и честь –
умереть от любви и проснуться.

****

Щипок, щепотка без щепоти –
вот капля долгая в полёте.
Но кто, набравши жажды в рот,
её от взгляда отщипнёт…

Закрыть глаза, чтоб не упала,
а времени осталось мало –
вот-вот досмотрят сон звезды
на ветках ягоды воды.

Хрустальные и голубые,
с пылинкой, горькие – любые:
сквозь слёзы, хлынувшие в сад,
глаза глазам в глаза глядят.

****

Е.

Твой бывший ангел у окна.
А говорят: весна, весна…
Последняя она.

Слезою, как в щепоть, возьмёшь
чужого мира плоть и дрожь –
и горечь проморгнёшь.

Молчишь и держишь высоту,
как драхму кислую, во рту –
дышать невмоготу.

Твой бывший ангел вышел весь,
а ты окошко занавесь –
и станет пусто здесь.

****

Крикнуть себе вослед:
счастья на свете нет.
Если случится где-то –
значит, оно без света.
Меньше в огне огня
стало. Наполовину.
Вылепи из меня
глину.